

ФЕВРАЛЬ 20 ПОНЕДЕЛЬНИК 1939 год № 10 (789) Цена 30 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Армия советского народа

Советский народ готовится к большому и радостному празднику — XXI годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота.

По прекрасной революционной традиции, праздник Красной Армии и Военно-Морского Флота становится и в этом году всенародным торжеством.

В нашей стране Красная Армия окружена сталинской заботой и вниманием Советский народ, правительство, партия Ленина-Сталина следят и любят свою армию.

Могущество и непобедимость Красной Армии заключаются в том, что она есть армия освобожденных рабочих и крестьян, армия Великой Октябрьской социалистической революции.

Могущество и непобедимость Красной Армии заключаются в том, что она является армией братства между народами нашей страны.

Могущество и непобедимость Красной Армии заключаются в том, что она воспитывается с первого дня своего рождения в духе интернационализма и любви к трудящимся всех стран.

Советский народ создал армию нового типа, самую передовую в мире, армию-освободительницу, воспитанную передовых идей. Сила такой армии несокрушима.

Интервенты испытали на своей собственной шкуре в годы гражданской войны силу и крепость Красной Армии. Тогда армии было очень тяжело без оружия.

Теперь же, за годы сталинских пятилеток, страна наша стала могучей индустриальной державой и одела в стальную броню оборону. Красная Армия и Флот снабжены первоклассным вооружением.

В третьей сталинской пятилетке наша армия вместе со всей страной станет еще более могучей, непобедимой и грозной для всех любителей чужих земель.

Социализм воспитал новое качество в нашем народе — массовый героизм, социалистический патриотизм, моральное превосходство над врагами.

Если фашистские варвары посмеют навязать нам войну, весь мир будет свидетелем того сокрушительного разгрома и уничтожения, которому подвергнет армия советского народа зарвавшихся агрессоров.

Еще свежи в памяти события в районе озера Хасан. Здесь особенно наглядно продемонстрирована советской армии сокрушительная сила оружия и героизм своих воинов-батыров.

К своей славной XXI годовщине боины и командиры Красной Армии и Военно-Морского Флота готовятся с огромным подъемом и энтузиазмом. В этот день, 23 февраля 1939 года, все, кто находится в рядах Красной Армии и Флота, кто с оружием в руках выполняет почетную и священную обязанность советского гражданина, будут присягать на верность Родине.

Еще свежи в памяти торжественную воинскую присягу. Слова ее волнуют каждого, в ком бьется горячее сердце советского патриота, и будут мысленно произнесены всем нашим советским народом.

Войны Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота становятся и в этом году всенародным торжеством.

мин, вся армия торжественно поклонится в этот день Родине «защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами».

Легендарные полководцы Чапаев, Шор, Пархоменко, комиссар-хасановец Пожарский, красноармеец-пограничник Баранов, тысячи верных сынов родины отдали свою кровь каплю за каплей, отдали жизнь за счастье народа и родины, во имя коммунизма!

В полководцах, командирах и бойцах армии страны социализма воплощены самые лучшие черты героя нашего времени. Красная Армия — школа гражданства и мужества, гуманизма и интеллигентности, школа доподлинного коммунистического воспитания.

Сколько замечательных людей, каких прекрасных героев воспитала и воспитывает наша армия! Жизнь и быт Красной Армии, жизнь, учеба и подвиги ее людей — неисчерпаемый источник тем для писателей. Сила нашей армии — в ее патриотизме. Это отличает и нашу литературу, самую передовую, самую революционную в мире.

Труд писателя в стране социализма радостен и высоко пенен. Собысь то время, когда «перо приравнили к штыку». Разве не знаменателен тот факт, что в Кремле высшую революционную награду — ордена Союза ССР вручали поэтам и танкистам, драматургам и летчикам, прозаикам и героям Хасана.

Советская художественная литература за последние годы обогатилась такими произведениями, как «Улей» Алексея Толстого, «Я, сын трудового народа» Валентина Катаева, «На Востоке» П. Павленко, «Кочубей» А. Первешева, «Патриоты» С. Диковского. Но таких книг пока еще мало.

К сожалению, советская литература еще в большом долгу перед Красной Армией и Военно-Морским Флотом. У нас нет и не создано пока интересных книг о героических людях Военно-Морского Флота, очень мало написано о будущей войне, о новом поколении героев Красной Армии, образ которых стал бы идеалом для нашей советской молодежи.

А сколько гордых и смелых, негибких и мужественных сынов народа, сынов рабочего класса было и есть в числе талантливых полководцев армии и флота. Рабочий класс создал своих полководцев.

Глубоко поучительна жизнь великих стратегов революции Ленин и Сталина, его талантливых полководцев Фрунзе и Ворошилова. Жизнь большевика-воина Пархоменко, отдавшего жизнь за дело социализма, — образец принципальности в борьбе, мужественности и высоких моральных идеалов. Таковы черты героя нашего времени.

Мир вступил во вторую империалистическую войну. Фашизм грозит миру, грозит культуре. Нужно помнить слова товарища Сталина о капиталистическом окружении и держать нашу литературу в состоянии мобилизационной готовности. Народ предвещает к литературе высокие требования. Она должна быть глубоко патристичной, воспитывать мужество, бесстрашие, звать на подвиг.

Союз писателей, его журналы, в первую очередь «Смена», должны помочь воспитанию коммунистической сознательности, пропагандировать социалистический патриотизм.

Красная Армия и Военно-Морской Флот встречают свою XXI годовщину в радостные, торжественные дни подготовки к XVIII съезду ВКП(б), намечающему программу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Никогда еще наш народ и наша Красная Армия не были так едины, так сплочены вокруг партии Ленина-Сталина, как сейчас.

И грозным предостережением всем врагам коммунизма провозгласит на весь мир присяга на верность Родине. Эту присягу спокойно и уверенно произнесет любимый народ — Красная Армия в день своей славной годовщины.

ВРУЧЕНИЕ ОРДЕНОВ И МЕДАЛЕЙ СОЮЗА ССР

17 февраля Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. М. И. Калинин в присутствии ряда членов Президиума вручил ордена и медали награжденным.

Грамоты на звание Героя Советского Союза и ордена Ленина получили младший полторг тов. С. Н. Бамбуров и старший лейтенант тов. И. Р. Лазарев.

Ордена и медали получает группа бойцов, командиров и политработников Красной Армии, награжденных за образцовое выполнение боевых заданий, за любовь и мужество, проявленные при обороне района озера Хасан. Среди них — красноармеец т.т. Остапенко, Габов, Исаев, Ларченко, батальонный комиссар т. Туляков, лейтенанты т.т. Губавов, Егоров, Кухушкин, Рабинович, младшие командиры т.т. Заика, Корбаков, Овечкин, капитан т. Трапезников и другие товарищи.

Награды вручаются затем бойцам, командирам и политработникам, награжденным за образцовое выполнение специальных заданий Правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и за выдающиеся успехи в боевой, политической и технической подготовке Рабоче-Крестьянской Красной Армии, а также группы пограничников.

Получат ордена награжденные за перевыполнение плана производства по Дальстрой работники Дальстроя.

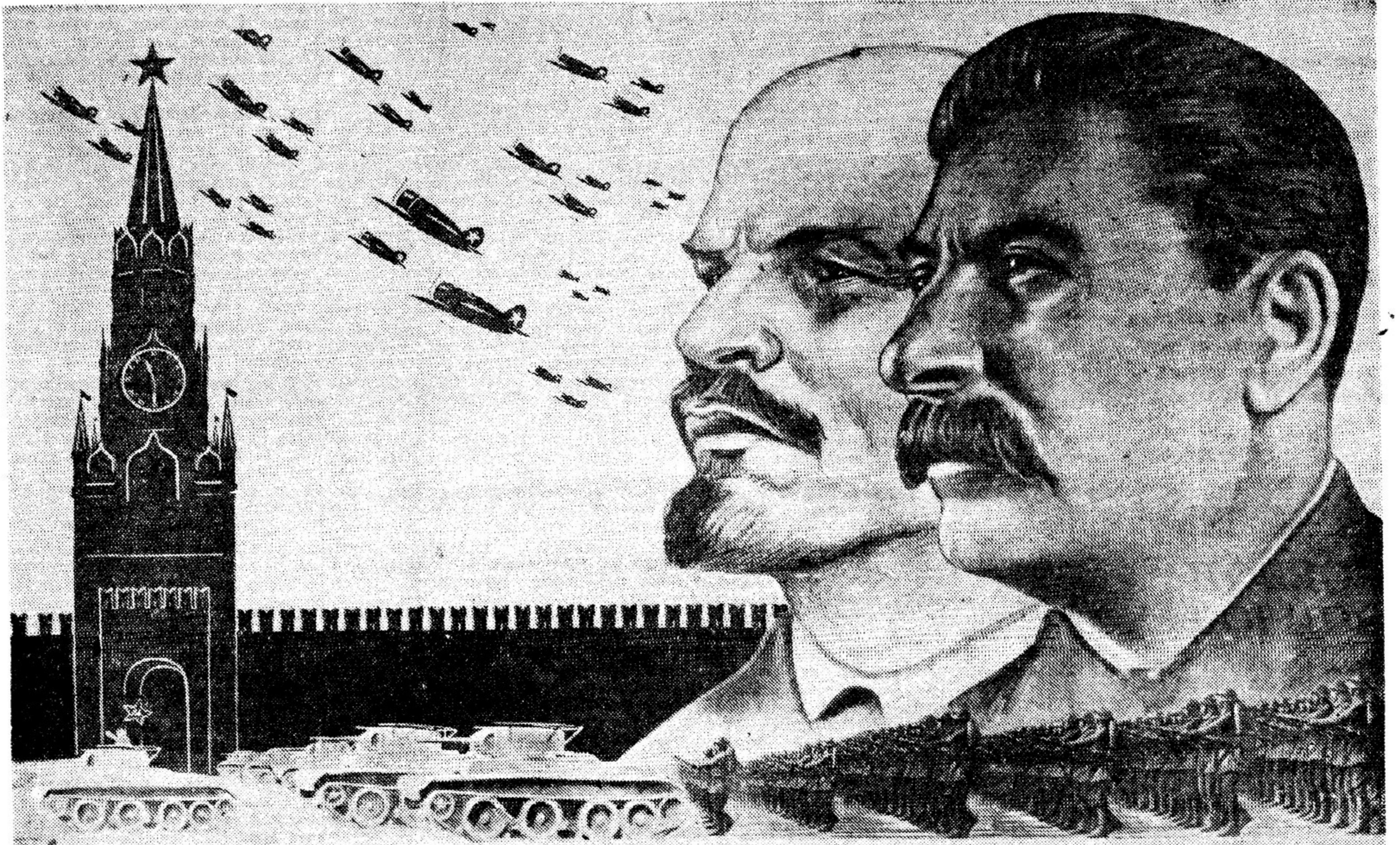
Вслед за тем ордена получает группа писателей и поэтов, награжденных за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы. Среди них т.т. Бажан, Вирта, Далина, Погодин, Тихонов, Тычина, Фалеев и другие.

От группы награжденных грузинских писателей с возлюбленной речью выступил тов. Ш. Н. Далиани, а украинский поэт Павел Тычина прочитал свои стихи.

Орден Ленина получают представители Московской киностудии «Мосфильм», награжденной за выпуск выходящих по своему идейно-художественному и техническому качеству кинофильмов.

Ордена получают особо отличившиеся работники кинематографии т.т. Александров, Орлова, Абрикосов, Васильев, Мажинский, Рощаль, Тисес, Чкаурели и другие.

Тов. М. И. Калинин сердечно поздравил всех награжденных и пожелал им дальнейших успехов в их работе. (ТАСС).

КРАСНУЮ АРМИЮ ОРГАНИЗОВАЛА, ВОСПИТАЛА, СДЕЛАЛА НЕПОБЕДИМОЙ НАША ВЕЛИКАЯ ПАРТИЯ ЛЕНИНА-СТАЛИНА.

Панорамы работы художников А. Дружкова и Н. Грановского, выпущенные Госвоин издатом к XXI годовщине РККА и Военно-Морского Флота.

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

В Л А Д Ш А Г У

Красная Армия радостная самая, Самая могучая, Самая певучая, Пешая, конная — волей непреклонная, армия воздушная родине послушная; армия подводная — народная! Красная Армия Яростная самец, размеренна в движении, проверена в сражении; В бою — непобедима, врагом неусидима. Быстрая, смелая, на все дела умелая, Армия Ленина, Лениным взлелеяна, Армия Сталина, Сталиным — наставлена, сильна своим оружием, Горда своим содружием. Пускай над миром властвует ее пунцовый флаг, Да ширится, да здравствует ее широкий шаг!

М. БАЖАН

ОДИННАДЦАТЬ ОТВАЖНЫХ

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «МАТЬ»

Она впилась глазами в светлый глобус И ясно видела, как в синевой мгле Идет Павло, чтоб встать на пост и в оба

Глядеть, припаз к сырой, к родной земле.

Ему знакомы очертанья сопки. Кустарником очерстана гряды. И слышит он: за склоном невысоким Чуть плещется озерная вола. Звенит комар, и запах гниловатый. Приморский ветер издала принес. Ложатся пальцы на колымо гранаты. К плечу приклад винтовочный прирос.

А там, за озером, в ободранном Хамоко, В чужом селе, в краях чужой земли. Там змывает чей-то крик высокий. От дома к дому ходят патрули. Все слышит ухо, подмечает око, И сердце отмечает неспроста Какой-то странный говор у Хамоко И робкий трепет дальнего куста. Пускай попробуют. Одиннадцать отважных.

На Заозерной сопке залегли. В Хамоко шум. И по тропинкам влажным, Покривкая, ходят патрули...

Дальневосточный вечер наступает В шелках багровых, с золотой каймой. Последний луч торжественно сверкает. Пронзив тайгу, овеянную тьмой. Еще мелкают ответы в тумане На мелкотелых толлах кедроча. И лишь вершины их еще в сияньи Чуть багровеют острым мечом. Вот с океана, точно ход потока, Густого мрака волны поплыли. Дрожат созвездья ярко над окопом. Одиннадцать отважных залегли. Безбрежна ночь приморская в июле. Но всю ее сумеет пронизать Упрямый взгляд застывших в карауле. Их пристальные юные глаза. Куст зашумел. Фазан крылом захлопал.

И выкрик «Стой!» И тишина вокруг, Сверкнув, рванулся выстрел из окопа. И грозно эхо заремело влруг. И занялись пламенем высоты, И сопки стали злой обожжены. Шли самураев оголенных роты. Все жарче бой. Одиннадцать — с ней! Дралась упрямо. Не щадил жизни. Не умолял горячий пулемет. И рвался клич: «За славную отчину! За партию, за Сталина — вперед!» Убит Павло Маленко в схватке этой, Погиб герой на дальних рубежах.

Весть о Хасане пронеслась по свету Всему отродью вражьему на страх. Она неслась от края до края, Была, как утро, радостна она: Не склонится пред наглым самураем Советского Приморья сторона! Не склонится в отчаяньи глубоком И мать героя, павшего в бою. Павло увенчан славою высокой, И сын второй делает мать свою. Склоняется к ее усталой груди Михайла — младший из ее сынов. «Живи, как он. Когда же нужно будет, Уми, как брат твой, в пламени боев». Уми, как брат твой, — тверда.

Чтоб сына в дальний путь благословить Словами светлыми, хоршими, Которых никогда, нигде не позабыть. В них — гордость матери за преданного сына, Что в слове «мать» слыл нераздельно с ней Названье родины — прекрасной и единой, Священнейшей из всех на свете матерей.

Перевел с украинского Л. СЕРПИЛИН

С. ШАНШАШВИЛИ

С Н А И П Е Р

(Баллада для пения под чонгури)

Горда — еще он молод, Лишь двадцать лет начтает. Идет один на барса, Бьет сокола в полете. Онагра он ловчее, И крепче волчьих ноги, Веселым взглядом взглянет, — Исчезнут все тревоги. На вороном коне он Поход на Тариза, Послушай — с тем хевсуром Какое вышло дело Не подвиз, чонгури, Той стан из тута сделан. Тебя Горда любил ведь, Под звон твой песни лез он Когда в красноармейцы Ушел троюпо горной, Мать провожала сына В платке хевсуром черном. С ней два гибие лани, Сноха то молодая, Мать, чуть бледна, сказала, Не плачь, не рыдай: — Сынко, со мной ты вырос. Ко мне вернешься снова. Ты будь народу верен, Врагов рази сурово. Пусть от тебя предатель Слезой кровавой плещет, Идешь по доброй воле, Пусть будет путь удачен За счастье трудовое Уми — но не робей.

Мать старая, Салия, Так говорю тебе я! Горда — красноармеец, Горде парасказали, Как злата владыки Весь мир к рукам прибрали. Какие кони строят, Как мучат люд рабочий, Как над народным горем Смеются между прочим Как на спине народной Владыки эти пляшут! Горда воскликнул в гнев: — Вина ведь это наша! — Пойдем, им выбьем зубы Ударим силой силу, Чтоб эта вражья нечисть Пошлая заприсола! Горда из лучшей снайпер И равных нет при этом, Героя дел, братья, Достойно быть воспетым Растет страна Советов, Идет всех сил в разлив. Врагов же злоба душит. На то они враги ведь Подкупленные банды Крадутся с бомбой в лапе. Пришла Горда работа, На то ведь он и снайпер Горда, в горах рожденный, Привык к скалам отвесным Себе засаду выбрал Над кручей самой тесной.

В дупле хитро засел он, Своей стрельбой сверхметкой Два дня держал он кручу, Бил вражью он разведку И вражеского строя Начальников крушил он. Бил пулей броневойной По броневым машинкам. Никак уати не могут От пули неминучей, Закрыл он путь бандитам, Нагря на оборону, Уже идет подмога — Бойцы Краснознаменной Два дня Горда боролся, Сражался он, как назо, На третий день бандиты Нашли его засаду. Их пушки как киркою, Переломали скалы, Гремя, изрыли склоны, Разбили выступ малый. Деревья, земля, камни Дробить уж перестало — Уже Горды не слышно, Уже Горды не стало. Бить может, говорил он: — Пускай умру — родная Живет страна Советов, Я сын ете! Горда я! Пусть матери напишут, Мой будет в радость подвиг!

Ждет старая Салия, К ней сын во сне приходит... Не едет, все не едет, Западывает что-то, — Сын мой, Горда, да где ж ты? Стаг темен день заботой. Ты если паг героем, — Врагов я не потешу, Носить не буду траур, Я гордостью утешусь! Горду петь будем, братья, Строками золотыми, В полках Краснознаменных Его хвалимо имя. О нем стоит в приказе, В столбцах газет, как пламя: — Героя прах не найден, Героя подвиг с нами. Висит он в штабе, в раме, Тот снайпер беззаветный, Украина орден Ленина Грудь снайпера посмертно, Салия старой сердце Полно горячей крови; Ее Горда пред родной Исполнил долг сыновий! Друзь! Горду — хевсура Я знал на самом деле, Пою Горды я память, — Сандро Шанше-кахла.

Перевел с грузинского Н. ТИХОНОВ

ПИСАТЕЛИ БРАТСКИХ РЕСПУБЛИК В МОСКВЕ

В течение прошедшей пятнадцатки в Москву продолжали съезжаться писатели братских республик и автономных областей, награжденные Верховным Советом СССР орденами.

14 февраля прибыли в Москву писатели Азербайджана, Адыгеи и Башкирии. Из Азербайджана — поэт Самел Вургул и поэтесса Миррири Дильбарова; вместе с ними приехал Мамед Араф.

Из Адыгеи приехал поэт Пуг Теучеж. Вместе с ним прибыли писатели Т. Керашев и Д. Костанов.

Из Башкирии прибыли народный певец и сказитель Фархад Давлетшин, поэт и драматург Баязит Бикбаев. Поэты-орденоносцы вместе с другими поэтами в сказителями Башкирии закончили поэму «Олевоносная Башкирия», которую они подготовили к празднованию 20-летия освобождения Башкирии в марте этого года.

15 февраля прибыли писатели Армении, Осетии, Кабардино-Балкарии, Казахстана, Украины, Татарии, Узбекистана, Таджикистана и Чувашии.

Из писателей Армении, награжденных орденами Указом Верховного Совета СССР, в Москве сейчас находятся: Д. Демирчян, Г. Сарьян, М. Аразн, Г. Борян, О. Шираз и Н. Зарьян. По болезни не приехал из Армении С. Зорян. М. Аразн, председатель Шенченковского комитета в Армении, и Г. Сарьян, переводчик произведений Шенченко на армянский язык, приглашены участвовать в пленуме Шенченковского комитета.

Из Осетии приехали прозаик и драматург Арсен Копоев и поэт-драматург Гвеш Шаев.

Из Кабардино-Балкарии прибыли народный певец Ибрагим Кожаров и народный поэт Кильчук Сижмаев.

Из Казахстана приехали писатели: Таир Жаиров, Аскар Тоқтаганбетов, Алыжан Абитшев, Садылмамбетов.

Из Татарии прибыл поэт Ш. Мансур и драматург Тази Газизат. Писатели-орденоносцы Татарии вчера выступили в московском Татарском рабочем клубе.

Из Узбекистана приехали поэты Амильжан Аббасов, Гафур Гулям, Султан Джурра, Саибр Абдуллаев и прозаик Абулла Кахар.

Из Таджикистана прибыли поэты Дехоти и Мухамеджан Рахими и драматург Тусуп-Заде.

Из Чувашии прибыл поэт Н. Шелеби. Из Карелии приехали сказители Ф. Кошаков, М. Коргуев и П. Рабинян-Андреев.

16 февраля приехал из Чечено-Ингушетии писатель Болкан Анзоров.

Из Кавказа прибыли поэты и писатели М. Бажан, А. Голубов, Д. Гобштейн, П. Панч, М. Рыльский и П. Тычина. Из Хавькова приехал писатель Ю. Яновский.

Из Туркмении прибыли поэты Салих Ата, Турди Клыч, Кемаль Ипанов и Пома Нурбердиев.

Из Гоми приехал писатель М. Лебедев.

ВЕЧЕР ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Завтра в Московском клубе писателей состоится большой вечер грузинской поэзии.

После вступительного слова В. В. Гольцева с чтением своих стихов выступят поэты И. Абашидзе, Г. Леонидзе, Кло Мосашвили, Ало Мамашвили, С. Чаквава и С. Шанишавили. Переводы произведений грузинских поэтов прочтут П. Антокольский, В. Державин, Е. Долматовский, К. Липскеров, В. Пастернак и Н. Тихонов. Председательствует Н. Асеев.

ПРИСЯГА

Б. ГОРБАТОВ

Есть минуты в жизни красноармейца, простые и величавые, которых никогда не забудешь...

Помню, как вручали нам оружие.

Мы стояли на плацу у полковой школы, выстроившись в каре, и ждали.

На ближних холмах лежали ласковые блики ноябрьского солнца. Дальние горы — тучные горы — уже синели от снега.

Мы стояли и ждали. Наши шинели торжественно, от них еще пахло цехгаузом; шинели сапоги были еще новыми, они не потянули горных дорог. Мы были безоружные повояры, парни, еще не привыкшие к строю, еще не воины.

И вот из склада принесли винтовки. Обильно смазанные, они жирно блестели на солнце и доносили; по стволу затвора текло золотое ружейное масло...

Командир роты сказал:

— Товарищи, вам вручается революционное оружие. Клянитесь владеть им честно, не изменять ему, не опозорить.

И мы горячо ответили:

— Клянемся!

Но прежде чем дать мне винтовку, командир роты привычным движением вскинул ее и посмотрел на свет. В канале ствола плавали серебристые змейки...

— Хорошую винтовку получаете, Горбатов, — сказал комроты.

А я трепетно сжал ਦੇше потной рукой и подумал: теперь комроты будет часто поверять мою винтовку. Из нее нельзя плохо стрелять. Эта винтовка не может быть грязной. Не помню, что пробормотал я в ответ... А винтовку свою помню — помню золотистую кожу деревянного ложа, маленькую заусеницу на штычке, в которой повисли и я и горы, твердо помню номер.

Мы стояли в строю, бережно прижав свое оружие. Синели на юге тучные горы... Теперь мы глядели на них с новым чувством. Мы были вооруженными бойцами. Мы стали воинами Рабоче-Крестьянской...

Помню присягу.

Мы шли на площадь по солнечным улочкам пограничного многоплеменного городка и ждали этого города — грузины, армяне, турки, курды — восторженно приветствовали нас, молодых, здоровых, ладных парней — москвичей, вятичей, армявцев, кубанцев, степных ребят, попавших в горы.

На горячий от зноя плац мы давали присягу. Блестели штыки... Это гремело в развалинах старой крепости, в ущелье, в горах... Горы повторяли нашу клятву.

Этого никогда не забудешь. Двадцатидвухлетние парни, мы давали Родине клятву верности не только на время службы в армии, — то была клятва на всю жизнь.

Потом, встречаясь с ребятами в шумной житейской сутюлке, на перекрестках улиц, в вагоне сибирского экспресса или в палатке на учебном сборе, мы узнавали друг друга, парни одного полка, товарищи по присяге.

Ты призван девятьсот тридцатого года? Служил в Горном кавказском? Чудесный полк, не правда ли, товарищ...

— Да. Чудесный полк. Чудесное время...

Но вот через несколько дней — 23 февраля — мои товарищи по армии, те, которые сейчас в строю, будут принимать новую, особую присягу. Каждый за себя. Старые и молодые.

Будет присягать родине мой старый полковник, тот, что вел нас через горы; он ныне комбриг и орденоседец. Будут присягать мои товарищи по строю, с которыми, бывало, делили табак на перекрестках, — они ныне старшие лейтенанты и капитаны. Немного обидно, что в этот день я не буду с вами, товарищи. Командир запаса, я буду скромно ждать своего срока. Она не отстает от ожидания, моя клятва верности...

Но я хотел бы быть с вами в этот день, товарищи, у подножья гор, на границе.

Этот день...

Во всех гарнизонах необжитой нашей родины, на дальних заставах, на снежных веродромах, на плацах военных училищ

встанут в торжественный строй сотни тысяч вооруженных сынов народа.

В Манске и Владивостоке, на Балтике и на Мурмане, на далеком Сахалине и в горах Кавказа сотни тысяч бойцов, командиров и комиссаров скрепят свою клятву личной подписью, чтобы затем, если надо, скрепить кровью. Каждый за себя даст клятву, все вместе — за армию и за народ.

Этот день...

Старый богунец, соратник Шорса, принимая присягу, вспоминает «революционную клятву богунцев», которую он давал некогда, в огне гражданской войны, перед боем. Текст этой клятвы составил Николай Шорс.

«Я совершенно добровольно вступаю в ряды 1-го Украинского повстанческого полка и обещаю, не щадя своей жизни, бороться против капиталистов и помещиков за освобождение Украины», — торжественно произносил богуны у стола, осененного красным знаменем.

И Шорс внимательно выслушивал, как произносится клятва.

— Жизнь не пожалеешь за революцию? — спрашивал он каждого.

— Нет, не пожалею, — отвечали богуны. Шахтеры. Металлисты. Веднота.

И не жалели.

Вместе с старым богунцем будут присягать родине молодые бойцы — наследники неуязвимой славы красноармейского оружия.

Станут рядом четыре брата Душкиных. Старший из них уже показал себя в боях с японцами. Младшие заведуют ему и жгут своего срока.

Один за другим пойдут принимать присягу братья Махеевы — экипаж патриотов. Боец Котельников, вставший на место убитого брата, даст клятву верности и мужества.

Подойдет принимать присягу старый, седой командир Игнат Тереньев.

Он помнит еще парскую присягу, ту, о которой у Брокгауза и Ефрона сказано: «Присяга — клятва именем Божиим, произносимая в установленной законом форме, пред св. крестом и Евангелием, с полаганием правой руки кверху...»

Клятва именем Божиим производилась под флагами и штандартами воинской части, в полевой артиллерии — перед фронтом орудий, в крепостной артиллерии — на валунах главной крепостной ограды и так далее, и так далее... Торжественно и угрожающе.

Нарушившая присягу ожидала парев суд и божья кара.

Все было организовано так, чтоб «св. рая порция» ощущала трепет... Трепет, страх — больше ничего не требовалось.

Но на клятву именем Божиим солдаты отвечали старой солдатской посылочкой: «Нужная (вынужденная) присяга — не наш грех. Нужного и бог прощает.»

«Стужа, да жуа, да парская служба», — горько говаривали солдаты.

«Недоверьство — бьют, и перевернешься — бьют.» «В рекрутчину — что в могилу.»

Тереньев помнит горькие солдатские частушки:

Ни из чести, ни из платы
Не пойдет мужик в солдаты,
Пальцы рубит, зубы верт —
В службу парскую нейдет.

Только в Октябре 1917 года «мужик» добровольно ваял ружье в руки.

«Не из платы», не во имя божье, против царя, бога и капиталистов, против мира насилия и угнетения, против интервентов-завоевателей, набравших на нашу землю из четырнадцати государств, подпалились и валились за оружие рабочие и крестьяне.

Не нужную, а добровольную, от горячего сердца, клятву произносили они на верность родине и революции.

Ее текст рождался стихийно, подсказанный революционными чувствами бойца.

Старый командир вспоминает присягу полковой имени Степана Разина.

Село Сухоречка под Бузулуком. Площадь. Деревенский майдан. Из-за леса слышен дальний гром артиллерийской канонады.

Командир полка Михайлов снимает фуражку и говорит бойцам и народу:

— Товарищи, поклоняемся перед гражданами села Сухоречки и всей Республики — разбить Колчак. Не дадим врагам, подделам топтать нашу землю. Постоянны за родные поля и фабрики с заводами, за жен своих и детей, за матерей и отцов-стариков...

— Клянемся! — отвечает полк.

И с этой великой клятвой идет в бой.

Ныне снова принимает присягу старый воин. Отчего же волнуется он? Отчего ж, как и у молодых, горят его глаза гордостью и счастьем? Отчего?

Я не спрошу его об этом — разве сам я не буду так же зволнованно повторять слова присяги, когда придет мой черед?

...На солтах будут принимать присягу герои Хасана. Они повторят слова священной клятвы красноармейца, которую они уже сдержали в боях у легендарных сопков.

— Я клянусь, — скажет краснознаменец, младший козавода Балашев, — добросовестно изучать военное дело...

И разве не добросовестно изучали хасановцы военное дело: пулеметы без промаха косили японские колонны, танки безотказно преодолевали непреодолимые подступы, штык в руках пехотинца был грозным и верным оружием.

— Я клянусь, — скажет Балашев, — защищать родину мужественно, уметь, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни ради достижения полной победы над врагами...

Кто скажет, что в боях у Заозерной наши бойцы не держали клятвы?

Нет, не щадя своей жизни лейтенант Готов, сраженный японской пулей, он продолжал кричать бойцам:

— Вперед, на Заозерную! — и умер с этими словами.

...До последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому правительству...

Лейтенант Готов сумел и свое последнее дыхание отдать народу.

...И вместе с героями Хасана в этот же день будут принимать присягу молодой московский парень, шахтер метрополитена Николай Степанов, комсомолец, никогда не бывавший в бою.

Ему не повсчастливилось попасть на границу. Он не дрался за сопку. Не задерживал диверсантов в пограничных кустах. Не ходил через горы походом.

Но довелось ему быть на границе, разве не дрался бы он, как Левченко, как Готов, как комиссар Пожарский?

Вот готовится он к присяге, немного волнуется... Хорошее, настоящее волнение... Этому парню можно верить.

— Если же по злому умыслу, — читает он текст присяги и голос его чуть дрожит, — и нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся...

— Если я нарушу... — шепчет он про себя, — пусть палнет мне тогда в беззастенчивых глазах мой старый отец, пусть отвернется от меня и не подаст руки ребята с метро, пусть пройдет мимо меня и не глянет девушка Галя с седьмой шахты... Если я нарушу...

...23 февраля 1939 года.

Он навсегда останется памятным, этот день, в который Армия присягала Родине, партии и народу.

И вслед за бойцами каждый из нас — воином какого бы рода оружия он ни был: пехотинцем, танкистом или военным корреспондентом, — повторит:

«Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик, и как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, уметь, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни ради достижения полной победы над врагами.»

Рисунок художника П. Соколова-Скала.

АЛЕКСАНДР ДОВЖЕНКО

ЩО РОС

Снежные черниговские равнины были особенно нарядны в прекрасное морозное утро, когда Богуцкий полк мчался по ним прямо к самому Чернигову, старейшему городу Украины.

Кружились села справа и слева. Покрытые ином сельские сады и рожи испрились на солнце, как в цвету.

Иней вырвал масть на богуцких полях. Они мчались бойрой рысью, все чалые, и только клубы белого пара над ними говорили о долгом пути.

Обоз был большой. Его хвост уходил далеко-далеко в снежную сирень, а впереди мчались всадники.

И еще две большие группы всадников мчались на параллельных курсах. Конная разведка летела крупным галопом. На снежных буграх стояли темными статуями конные связисты.

И где-то совсем впереди уходили чужие всадники, припадавая к седлам.

Шорс любил верховую езду и хороших коней.

Его радовали и быстрая езда, и морозное утро, и какой-то особый бодрый ритм, ощущавшийся в каждом скрипе и в каждом дыхании товарищей.

— Предуредлаю еще раз, — весело и немного по-мальчишески говорил Шорс командирам, — в Чернигове у врага силы громадные.

Шорс стоял у дороги, и мимо него проносились вперед, вправо и влево, богуцкие.

— Поздравляю с Черниговом! Войны, героической смерти не боитесь! Не бойтесь героической смерти, хлопцы!

— Ура! — кричали богуцы, проносясь мимо дорогого командира. У коней дымялись ноздри. И хлопцы тоже дымялись, казалось, не от мороза, а от сильного внутреннего накала. В руках у них блистали сабли.

Завоинцы сто пятьдесят черниговских колоколов. Стаи перепуганных ворон кружились над золотыми крестами, а по главной улице шла снежная дивизия, огромная и уверенная. По слухам именовали архаично генерал вывел снежанушинок на солнышко. Играл оркестр.

Пятнадцать всадников летели навстречу дивизии. И, остановившись неожиданно, буйвально скатившись с лошадей, ударили по дивизии из пятнадцати ручных пулеметов, и этого никто не мог вынести, так как нервы дивизии были расстроены в одно мгновение.

— Папе отамане, дивизия в мішку! Довольте кинути резервний полк! — кричал растерянный полковник генералу Терешкевичу.

— Довольте! — заревел Терешкевич, — Полковник Кучеренко! Кинути бронемашина в огонь!

— Вперед! — гремел Кучеренко, видя, что броневики не движутся.

— Панцерники, вперед! — закричал Кучеренко, подбежав к машинам.

— Вперед! — гремел Кучеренко, видя, что броневики не движутся.

— Панцерники, вперед! — закричал Кучеренко, поинел от крика и бросился навстречу бронемашинам.

— Огонь! — закричал пулеметчик из одного бронемашины, и вдруг все четыре бронемашины ударили по своему резервному полку.

На улицу ворвалась богуцкая кавалерия и врезалась прямо в снежанушинок.

— Ложись, ложись, ложись! — кричал Шорс группе богуцев, выскочивших на пустую улицу. Пулеметчики упали.

— Пожарники, поливай! — крикнул Шорс, и все десять «яловов» шаркнули по гетманцам, напавшим густой волной из-за угла.

— Стойте, стойте! Остановитесь! — крикнул генерал Терешкевич и, оторвавшись от отряда, бросился навстречу богуцкой роте.

— В чем дело? — крикнул Иванов.

— Панове, що ви робите? — и генерал осадил коня.

— Панове! Ми ж разом з вами б'ємося за Україну! І ви петлюристі, і ми — гетьманці. Панове, ми рідні, рідні! Ми хочемо об'єднатися з вами і битися проти більшовиків.

— Так ми ж більшовики, — зареветали богуцы.

— Не может быть? — поблел генерал. — Ви ж далеко?

— Ну, как сказать, — ответил Иванов.

Вдур vicinity затрещал пулемет. Гетманский оркестр, перебежавший тут же дорогу, мгновенно припал к мостовой. Дрожал трубы.

— Отставить, — сказал Иванов пулеметчику.

Оркестр встал, — крикнул он оркестру Оркестр поднялся.

«Интернационал», сукины сыны! Вперед! Оркестр грянул «Интернационал».

— А-а-а-а! — сказал Иванов генералу. Генерал упал убитый.

— Всем, всем, всем! — кричал яростный Шорс, ворвавшись с группой командиров на телеграф.

— Последний оплот гетманщины — Чернигов ваят Богуцким полком. Корпус генерала Терешкевича разбит и уничтожен! Отдельные части, однако, прорвались на Киев, потеряв на мосту сотни убитых... Гетманцы бьются вло. Много пленных.

— Слушайте! Гей ви, панове гетманці! — вскричал Шорс кучке гетманских парламентаров, стоя на заваленном трупами.

Отрывок из сценария.

ми мосту. — Годи бігати! Мені осточертіло за вами гнатися! Давайте або битися, або расходьтесь по домах к чертовой матери!

— Та скільки ж вас там є, злодіїв? — кричали гетманці.

— Скільки є?

— Еге!

— Зараз покажу! Давай, — и Шорс махнул рукой.

Шестьсот богунцев бросились в Десну и быстро побежали по льду. Гетманские пулеметы, расположенные на высоком берегу за буграми, не могли обстреливать наступавших.

Двадцать километров гнались богуцы за бегущими гетманцами. Устали страшно. Артиллерия обогнала пехоту и первая выдвинула богуцкая батарея на сельскую площадь и, быстро установив орудия, начала крыть врагов почти в упор.

Пехотные цепи выскочили из-за плетней на улицу и заняли дворы. Конная разведка неслась вдоль улицы с криком и рубила убегающих врагов, увязших под плетнями в снежных сугробах.

Некоторые удалось перелезть в огороды, и они бежали из села вдольюгу отступающим главным своим силам.

— Кавалерия! Кавалерия! — кричал командир пулеметного звена Несвятий. — Пулемет!

Пулеметчики быстро подкатили пулемет и приготовились встретить кавалерию.

— Огонь! — кричал Несвятий. Лошадь мчалась прямо на пулеметчика. Некоторые хлопцы уже прыгали в огороды, уступая место лошадам. Пулеметчик с пулеметом собрался уже тоже посторониться.

— Почему не стреляешь? — потрясая нагамом, кричал Несвятий.

— Так же ж веселя... — ответил пулеметчик.

— Ох, и народ же, бисовой души.

Чутье пароконки с колокольчиками на дугах, с ружьями, привязанными к оголобам саеи, переполненным народом, искали себе выхода, лета мимо пулемета на площадь.

— Ой, коні, коні — ведмеді, — пели бабы.

— Чи надіється на силку?

Чи дозевете киницю?

Наша нягнтя неважка.

Восьмеро коней леве дідуть.

Кадниці мосточки в землі гнуть...

— Годи вам воуваги! — кричала веселая молодичка. — Повбивається — дивята задухуть!

— Не зачухуть! Готуйте подушки! — кричали богуцы.

— Трубка семь ноль! — увлеклася командир батареи Петро Чиж.

— Стой, не стріляй! Дай проткати он до тієї хати! — кричал дружка. Обоз стал. Невеста сошла с саеи:

— Просили батька і мати, і я прошу, і весь рід наш просить, не шурайтесь одйлати наше весілля, — и невеста трижды поклонилась командиру батареи.

— Придем обязательно... Огонь... — весело закричал Петро. Шаркнула батарея. Свдльба рванулась, как пролетая, и помчалась куда-то.

— Ура! — бросилась кавалерия в атаку на другую улицу.

Шоб наші підківки бряжчали!

Шоб наші вороги мовчали...

Жених и невеста и дружки, и почтенные соседи сидели за столом. А кому нехватало места за столом, те сидели на лавках, на скамье, на полу и даже на запечке. А дети сидели на печке и смотрели через комин. Словом, народу было много. Мать подносила гостям горилку.

Жадные до горилки гости отказывались по добром украинскому обычаю, а мать ласково упрашивала, — а как же иначе, — и пела с Ткачихой:

— Ой панове, я п'яна.

— На пороги вляла.

— Ой, одичні, друже.

— Бо йду п'яна дуже...

Вдур в хату влетел вихрь — втащившая прямо с улицы через сени восьмеро богунцев.

Это был не тот сопак, что теперь тапчут на разных эстрадах и танцплощадках. Испортили сопак неудачные учителя танцев почти во всей нашей доброй Советской стране. Слов нет, прыгают высоко и сейчас и нависаясь бросаются не плохо, — как говорится, сердца крепкие, и ударить есть чем. А вот когда богуцы стукнули сопака прямо с боя, да когда начали откатывать самые неожиданные колена, о мотрями еще шапками, да бряжчали шпорами так, что на столах сама горилка захляпала, да когда с гиком и сабей олин илетел на семерых, отбивая все семь сабей, и когда и дивата этого не выдержали, и тогда дивата Павло Ткач, первый сопакник и невеста села, сказал соседу:

— От тепер і я бацу, що Петлюрі кінець.

— Поздравляю молодых и весь честный народ. Олпак дозвольте спитати, а за яку таву власть ви п'єте на цьому весіллі? Одичай, молодий! — обратился после танца к жениху комбатареи богунец Чиж.

— Ми люди центральні, — ответил за молодого дружка Ткач. Нас казав той, хто заволе, того и будемо.

— Так, — ответил богунец. — Понимаю. — А може ви куркулі?

— Ні, — закричало весілля. — Які ж ми куркулі, коли у нас гайдамаки пів села сплять.

— Может це якась нахальна свдльба? Може ти силою взяв цю біду кривину дівчину, — раасердился Чиж, глядя на жениха. — Може ти її не любиш авсім? Га? За що волемо, я тебе питаю? За що кров проливаемо? За любов? За уваженіе? Товарищи, порвалась связь времен, как сказал поэт. Жениться надо по любви, а не крутати дичак помом, чи придишм... Товарищи! Поверте мне! І тогда живіть будет прекрасна, от Ії же ти богу правди! — и богунец ударил себя в грудь.

— Ой, правда, синку, — заголосила влрст подивившая Ткачиха. — Вишла я замуж за свого сукного сина, — и баба ударила в плечо своего Ткача, — зананастала я свое життя, виходила вся і мозок мій вишоу у роботу, у лайн, у темряві. І все я думала... як же краще на світі жити... Ось так, як він говорить... А, проклятий... — и Ткачиха еще раз толкнула своего повелителя. — Хлопці, розстріляйте його.

— Поодио, — засмеялись богуцы.

— Так, може хоч побий. Хоч яolini раз. І я поб бачила. Або на віаку вляди.

— Так він же у вас нейтральний. Бийтеся влома.

— Вот какие высокие разговоры пришлось услышать невесте, прекрасной дичине Насте, уже повенчанной и привезенной к своему чубатому на веки вечные вместе со скрыней, наполненной вышитыми ружьями и полотном.

— Вот она, наша правда, — сказал Шорс, войдя в хату с тремя командирами. — Вышли в поход, сколько нас было? Сколько боев выдержали. А, смотри, сколько у нас? В десять раз больше! А сколько еще будет друзей вперед...

Доброго здоровья...

— Пусті! — обратилась Настя к своему жениху и встала из-за стола.

— Взгляни мене а собою і будь моім мужем. Я полюбила тебе зразу, як тільки побачила коло орудія. Я буду битися разом з тобою до смерті. Як тебе звуть?

— Петро, — ответил Чиж.

— Петро... от.

Дело было зимой

Раскинулось море широко,
И волны бешут вдали.
Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от нашей земли.

Матросская песня.

Мерно постукивают колеса на стыках рельс. Декарбовская вышка шуршит по крыше и стенкам теллушки. Будто чьи-то шершавые руки обшаривают мерное железо и дерево. В обшивающей «буржуйке» догорают угли. Вот она подернется серой коркой пепла, и меня придавит черная, сажевая тьмота. Нас двое. Один молодой, почти мальчик. Плохо греет старая, не по росту большая шинель. Вещное, со звоном бьется о ребра сердце. Другой — совсем взрослый и совсем спокойный. Он смежит в углу на рогоже. Последний сон сменял его ресницы. Не шевельвет бровью, не протрокает век. Не прастанет. Не заговорит.

Так-то, товарищ Скворцов!.. А поавчера еще мы собирались встречать Новый год в Ревеле... Не вышло! В Питере встретим Новый год. Постелит тебе родной город добрую постель на виду у всего мира, на широком Марсовом поле.

Мерно стучат колеса. Все толще и толще слой пепла. Едва различимо бледное, с синевой, лицо покойника... Чтобы отогнать жуть, я начинаю петь. Голос хрипелый, но певье, а вой какой-то... Еще жутче от этого чужого голоса... Тогда я начинаю вспоминать.

Вместе обмундирование получали в каком-то складе на Забалканском. Вместе в эшелоне мобилизованных питерских коммунистов ехали в Ямбург... Ехали медленно. Ехать было скучно. Пел Скворцов старые матросские песни. Рассказывал. Как на флот уходил. Как на «Олеге» в Гавр ходил. Как воевал в Гавре до полумертвой мучимая «дракона». Как дезертировал. Все моря исколесил. Чуть ли не во всех портах Европы сиңилу лежал под грузом на штакетках пародовых трапез. А в семнадцатом выплеснул его большой волновой череп за грань в Питер. Мешки в порту таскал. С менашевками на окраинах гримас. Юнкера в Октябре разоружал. А когда партия скакала — на фронт надо! — встал гвариец Скворцов и сказал: «Пши меня перепой!»

В отряде сразу пришлось ко двору бурной, разномысленной матросне. Спокойствием, мужеством своим, простым и негромким, вял он за сердце простых подлетки шумливых людей.

Мерно стучат колеса...
Весь день шел бой под деревней Ирраме. К вечеру белые откатились на запад. Кухня задымилась легким дымком. Люди соблались обшарить. А к нам вестовой из штаба.

— Скворцов и Сурков к командиру отряда... на носок!
Командир развернул двухверстку. Ткнул пальцем в какую-то точку.

— Скворцов! Возьмешь душ двадцать. Разведать бы мазу Лооп. Понюхай, сколько там их. А уходи, популай, чтобы аж всю ночь не лезли спать. Да тебя учить не надо... Илнта.

Тринадцать темных фигур скользящих и окопные и уютные в темноте. В разведке каждый куст человеком кажется. Лес повали остался. Темный парк из муты проступил. Печочкой вытыгулись.

— Ш-ш-ш. Стой...
В снег легли. Курки с предохранителей сняли. Гранаты у поясов отпущали... А впереди будто завожался кто-то. И опять тихо. И шлопт Десяткина из темноты:

— Давай, братва, помялу. Часового успокойли.

Поваленный забор. Парк. Плотина. Мельница водная. С лотка вода стекает. Уложил Скворцов одиннадцать бойцов цепью по насыпи. Шпотом распорядился:

— Замещает меня Десяткин. До возвращения лежать смирно. Шум пойдет — стреляй. Населать будут — нас не ждаты, подавать к своим. Гранаты аря не изводять... Пошли, Сурков.

Шли медленно, выверали каждое движение. Миновали какую-то службу. Двухэтажный дом за службой, все окна темные, только посредине во впадине — свет. Переползли цветник, занесенный снегом. Поляком по околку — к впадине. Совсем медленно. Совсем бесшумно. Во впадине большое, совместное венчанийское око. Прижался к углу и тень друг к другу. Прищурился. За углом совсем близко человек ходит. Показывает. Подожмины по мералому снегу скрипят, стекла окна заметны морозным узором. Только по бокам узенькие, чистые полочки. Хорошая в простенке, Скворцов прильнул глазом к стеклу. Закобаченными пальцами отстегнул от пояса гранату. Граната тяжелая, немецкая, с длинной

В М У З Е Е

(ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ)

Когда-нибудь придет в музей мой
правнук,
И перед ним, как древний экспонат,
Предстанет груда ружей несправных,
Кривых штыков, заржавленных гранат,

Осколки бомб, разорванные танки
И хоботы подбитых батарей —
Обугленные, тусклые останки
Оружия отцов и матерей.

Не слышавший обстрела даже в тире,
Видавший только в книгах пулемет,
Как к тигру, правнук подойдет к
мортире

И, как змею, холодный штык возьмет.

Тогда, блеснув очками золотыми,
Полуслепой старик-экскурсовод
Словами, зазвучавшими латынью,
Простые наши вещи назовет:

- Ружье,
— Патрон,
— Приклад,
— Война,
— Сраженые,
— Шинель,
— Полсумок,
— Армия,
— Окоп...

И развернет старик вооруженье,
С которым деды брали Переконь;

Погами с благодарностью снаряды,
Голоди пролежавшие в пыли,
Которые дороги к Сталинграду
От белого Царицына вели;

Положит на ладонь истлевший порох
И превращенный в пепел динамит,
Чьи взрывы на кровавых косогорах
Врага не пропускали на Мадрид.

Перед глазами правнук счастливых
Раскроется в доспехах боевых
Не смерть, хранимая навек в архивах,
А зароженье счастья для живых.

Среди вещей, покрытых вечной влагой,
В инвентаре науки боевой,
Вдруг промелькнет кусок железа —
Беспомощно изогнутый, кривой.

Перед горой зенитной батареи,
Перед батареями стали и свинца
Обломком он покажется скорее,
Чем боевым оружием боя.

Но с ним под грохот смертной канонады,
Не в каменный, не в допотопный век,
На пулеметы, бомбы и гранаты
Бесстрашно в бой бросался человек.

С ним шел народ по трупам самых близких —
И матери, и сына, и отца,
Безжалостно бросая, как булыжник,
Как бомбу, на врага свои сердца.

С ним шел народ, как песня боевая,
Как громыхающий в горах обвал,
С ним шел народ, иррапельно разбираем,
С железной локью шел и побеждал.

Так на гранит поток воды стремитесь,
Он рушится, но падает гранит...
Я все сказал. Переверни страницу,
Пусть прошлое само заговорит.

А мы, читатель, встретимся с тобою
Не за стихами, а в комнатной тиши,
Мы встретимся, готовясь вместе к бою,
С оружием сплотившись в блиндажи.

«Первый удар»

Клерк одного из лондонских банков Р. Шеррифф написал после войны пьесу, которая обошла почти все театры Европы и Америки. — «Конеч пути». Мы не станем излагать ее содержание, оно немощно отличается от содержания других прословенных романов и повестей. Смертельная усталость, желание навсегда укрыться на каком-нибудь мифическом лучезарном острове — слышится в каждой реплике героя Шерриффа. Есть в этой пьесе один замечательный диалог, его стоит привести. В землянке на передовой линии беседуют два офицера.

ОСБОРН: Я сожалеею, что мне не удалось попасть в театр, когда я был в отпуску.

СТАНХОП: Так вы ни разу и не были? ОСБОРН: Нет, я все свое время проводил в саду. А вечером я курил, читал... в то время как моя жена впадала и немощно играла на рояле. Мы делали вид, что никакой войны нет... до тех пор, пока мои два мальчугана не втянули меня в сражение на полу с оловянными солдатиками.

Выдающийся Олдингтон остров. За, где вдали от мирской суеты поселится Тони и Ката, и чудесный сад Осборна. Гнез можно притвориться, будто на свете ничего нет кроме ароматных сигар и клавиш рояля. — вещи одного порядка. Тони, Ката, Стэнхоп и Осборн стали старше на двадцать лет, мальчуганы, игравшие в оловянных солдатиков, уже учатся в университетах, а умолкнувший было грохот снарядов снова слышен у самой французской границы, в горах Абиссинии, в горах и деревнях Китая.

Есть, конечно, в сейчас люди, которые делают вид, будто никакой войны нет. Но это лицемерие злостное. Война идет, в ее орбиты втянуты миллионы людей.

Будущая война, которая захватит даже тихие острова За, уже сейчас волнует умы писателей. На Западе появилась многочисленная литература, пытающаяся нарисовать первые часы новой, страшной войны. Литература эта создается не только профессионалами-писателями, но и профессионалами-военными. Известно, какое значение придают «психологической» мобилизации чиновники из генеральных штабов. Но эта литература, во многих случаях, ставит себе целью запугать обывателя, устрашить его, чтобы под шумок заниматься споровою с врагами, как это случилось во время чехословацкого конфликта или происходит сейчас с Испанией.

Такая литература о будущей войне рассказывает о фантастических лутах, убивающих все живое, о неведомых самолетах и прочих плодах изобретательной фантазии писателей. И если в политике «эфиреров» решающую роль играет «блеф», в значительной мере блефом пропитаны и фантастические рассказы о фантастическом оружии будущей войны.

Запугать «среднего человека» во многом уже удалось. Известно, какую панику вызвала в Америке радиоинженерия ульсовской пьесы.

Объективная, честная литература о будущей войне может появиться только в нашей стране. К сожалению, на эту тему у нас написано чрезвычайно мало. Поэтому каждое новое произведение о предстоящих боях встречается с интересом.

С интересом мы прочитали и новую повесть Илл. Шпанова, напечатанную в январской книге «Знамя».

Восемнадцатого августа, Ясный летний день. На аэродроме спешат колонны живородных людей. День авиации стал всенародным праздником. Командир Гроза демонстрирует высотный полет. И вдруг, в этот праздничный гуд врываются слова диктора:

«Всем, всем! Сегодня, 18 августа, в семнадцатый часов крупнее соединения фашистов перелетели через советскую границу...»

Так начинается произведение «Первый удар» — повесть об одном воздушном рейде в глубь фашистской территории.

Автор как бы бесстрастно излагает события. Он переносится с самолета командира эскадры Дорохова в штаб генерала Бурхарда, он отрывается от приемника советского радиета, чтобы попасть в ставку фашиста Шверера. Он заглядывает на

электростанцию, где рабочие, затаив дыхание, ждут своих спасителей, и в полосуку деревню, где крестьяне поют о участниках советского десанта... Такой способ описания дает возможность Шпанову показать войну в разных ее проявлениях. Читатель с интересом следит за всеми событиями. Отдельные эпизоды прочтываются с большим удовольствием. Такова, например, сцена, когда оловянный, побитый самолет Сафара кружит над макетом деревни, разгадывая личность противника. Сафар посылает бомбы в бетонные укрепления, а затем и сам в них врезывается. Таков эпизод с генералом Шверером, мучимым на своем броневике и попадающим в плен в Осец.

Чтение этой книги вызывает и некоторые общие для литературы о будущей войне вопросы.

В изображении будущей войны не нужно преуменьшать силы противника.

Советская эскадра в повести И. Шпанова проникает в жизненный центр врага, не встречая почти никакого сопротивления. Разумеется, автор рисует и бои, тяжелые для обеих сторон, но на протяжении 12 часов героим повести несколько раз приходится удивляться пассивности своих противников. Тем более удивляется читатель.

Чувство правды требует от художника показывать врага таким, каков он есть. Мы знаем врага — он труслив, но нагл, коварен и хитер. В повести Шпанова все немецкие генералы похожи друг на друга, как близнецы. И одинаково поумны. Единственная хитрость, на которую они оказались способны, это макет ложной деревни. Но до этого додумывались и раньше. Когда «Большая Берта» обстреливала столицу Франции и перепуганные генералы ждали с минуты на минуту появления пепельного, французский стрелок недалеко от Парижа второй фашистский Париж. Коварство и выдумка с тех пор росли.

Советская литература о будущей войне должна быть серьезной и мужественной. Ее главная задача состоит в том, чтобы показать, какие условия обеспечат победу советскому народу. Эти условия определяются преимуществами социалистического строя перед капиталистическими. Их много. И морально-политическое единство всего народа. И наличие испытанной руководящей силы — партии большевиков. И плановость социалистического хозяйства, дающая возможность разумно использовать ресурсы страны. И новые моральные устои советского человека. Художник должен проникнуть в существо этих решающих преимуществ, он должен показать их в динамике, в столкновении.

В предстоящей схватке двух миров всем историческим развитием человечества социализму обеспечена победа. Но мы знаем, что в завоевании победы будут действовать не какие-нибудь фатальные силы, что победа никогда не приходит сама, что ее нужно организовать. И Шпанов пытается показать эти преимущества. Но делает это робко, а подчас приниженно. Намеченная в повести линия — десант парашютистов на вражескую территорию — очерчена крайне слабо. Парашютисты — советские люди, мужественные, отважные. Вдали от своей родины они сталкиваются с людьми из вражеского стана один на один. Здесь могут развернуться большие драматические коллизии. В повести их нет. Парашютисты высиделись, они появляются в одном эпизоде, чтобы тут же и исчезнуть.

То, что Шпанов ограничил себя местом и временем, пошло во вред его замыслу. Вель авиация вообще, а советская в особенности, сильна своей взаимосвязью с остальными родами оружия. В «Первом ударе» она действует почти изолированно.

Перед автором стояла очень трудная задача. И Шпанов сумел интересно показать действия больших авиационных соединений, технику боевых операций. Нам трудно определить, верно ли все это показано с точки зрения научной и технической. «Первый удар» протрется с интересом, а многие нечеткости будут прощены автору, попытавшемуся нарисовать грядущую войну.

На Всесоюзной выставке «Ленин и Сталин в народном изобразительном искусстве». И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов на Царицынском фронте. Картина Урановича, рабочего 27 лет.

О русском оружии

Татары двинулись от границ Китая к землям Европы. Они шли вперед, уничтожая народы и царства.

В те годы узнали люди об уйгурцах, о персах, о железных воротах у Каспийского моря в городе, который и сейчас зовут Дербент. Много стран уничтожало татарское нашествие навсегда.

Нигде сражения не были так жестоки, как в России.

Люди бились в лесах, на реках, на стенах городов, на улицах, в домах.

Татарская орда легла на нашей земле, оставленная так, как остаются выветренные, раздробленные лесом и обретенными в сугробы.

В те годы приходилось решать новгородцам с князем Александром Ярославичем Невским вопрос о том, кто хуже — немцы или татары.

Русские дрались с татарами, в тыл нападали шведы и поморы.

Они стремились отрезать русских от моря, завалить истоки Невы, поставить крепости на берегу Финского залива.

Ледовое побоище показало не только храбрость русских, но и их военное искусство.

Чудское и Псковское озера соединены волнами пешейкой. В пешенке стоят скалы, Воронья Камня.

Дело было весной. Лед на озерах разрылся, а у камней стоял крепко.

Александр знал, что немцы должны черевить воду от Вороньих Камней.

Он пустил сомкнутый строй немцев

мимо себя, ударив в тыл, и перебил рыцарей, отрезав им отступление.

В этом была видна воля военачальника. В битве на Куликовом поле крестьянская пехота остановила татар и итальянцев, пришедших вместе с татарами из прибрежных торговых городов. Наша конница довершила победу.

Это был опять бой маневренный.

Татары не отошли от границ России, они кружились около нее, как хищные птицы. Надо было останавливать вторжение.

Народ наступал на врага, запахиная степь, выдвигая вперед селенья по берегам рек.

Народ закончил себя от татар крепостями и засадами.

Засечная черта легла по югу России. Это сооружение по своим размерам может быть сравнено только с великой Китайской стеной и отличается от нее тем, что оно на самом деле сохранило страну.

Русский народ воевал от врагов реками, лесами, крепостями.

Каждый раз, когда война была национальной, когда поднимался народ, создавалась новая тактика и стратегия. Во время крестьянских войн начала XVII века казаки, борясь под Кромами, применили сани, бронированные морозным снегом, и захватили посады. Когда стены города сгорели, казаки и крестьяне устроили окопы и из этих окопов разбили царское войско.

Войско Ивана Болотникова, осажденное под Москвой в селе Коломенском, не могло окопаться, так как лето было зимнее и земля замерзала. Тогда были выложены санные стены, полтыи водою, и в этих укреплениях войско дралось до тех пор, пока его не погубила ямена.

Борьба приняла в нашу страну во время крестьянских войн немцев-панников и польских отрядов.

Борясь с панями, гонявля Минин создал новую армию. Он создал армию на яловольных. Насытил войско огнестрельным оружием.

Начал кормить людей из котлов, не отпуская их по деревням.

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский повел на полянок и немцев армию, про которую паны говорили, что полки ее состоят из холопов, шиньей и блинников.

Ближними дражили московских жителей, а шиньи—это веселые люди, скорморохи.

Дмитрий Михайлович любил скорморохов. В его отряде было много умельцев русского народного искусства.

В это время скорморохи были преследуемы перковью. Они уходили в войска, превращаемые часто в песенников. Солдатская песня перебрала опыт скорморошного искусства.

Бои, происходившие в Москве, показывают нам лицо тогдашней русской армии и уровень русского военного искусства.

Поляками командовал гетман Хатевич, сражавшийся под предводительством герцога Альбы в Нидерландах, знавший победы над шведами и турками.

Поляки с вспомогательными венгерскими отрядами перешли Москва-реку у Воробьевых гор околу Новодевичьего монастыря.

Русские остановили их огненным боем в развалинах города.

Ночью перетянули поляки силы к Донскому монастырю.

Они наступали по Ордынке и Полянке через сожженые Замоскворечье.

Поляки Пожарского стали поперец полуострова, образуемого Москва-рекой. Имя Шлиссельбурга. Город осаждали шведы. В середине укрепления, построенного новгородцами, было место, откуда можно стрелять во все стороны.

Орешек стоял среди Невы на маленьком острове. Его осаждали очень долго. Наконец предложили гарнизону сдаться, обещая отпустить всех со значимыми условиями. Тогда открылись ворота города, и вышли двое. Один из них трубил, другой не показався.

Двое сели в лодку, поехали к берегу. — Где остальные? — спросили их. — Остальные мертвы,—отвечали двое,— мы защищали город вдвоем.

Случай этот записан ученым немцем Отавирем.

В боях с прусскими полднее русские противопоставляли немецкой дисциплине, немецкому строю, в котором солдат больше боялся паник капюла, чем неприятельского снаряда, частую товарищескую Мемарист Волотово творчество о том, как была разбита армия Фридриха русским полком, прибавившим через лесные заросли в бой на помощь землякам.

Во время атаки ужал под копыта коня Минина племянник его Педед и был растоптан. Атак ужал не было оставлено.

Триста человек вышли в тыл единнадцатитысячной армии поляков и атаковали ее.

Расчет Минина состоял в том, что польская кавалерия не могла истребить русской пехоты. Часть людей осталась, как остаются сейчас на поле битвы группы бойцов при танковой атаке и артиллерийском обстреле.

В ямах, в зарослях крапивы лежали отряды, подаваемые, но не уничтоженные. Минин повел их на новый бой.

В это время казаки перешли Москва-реку и тоже ударили на полянок.

Минин обратил польский прорыв в обрат неприятеля. Это очень трудный и смелый стратегический маневр.

История русского военного дела и тут нам показывает, что военное умение народа неожиданно и победоносно.

Но не забудем и об умении защищать. Один немец на ученой латыни записал историю защиты города Орешка, ныне Шлиссельбурга. Город осаждали шведы. В середине укрепления, построенного новгородцами, было место, откуда можно стрелять во все стороны.

Орешек стоял среди Невы на маленьком острове. Его осаждали очень долго. Наконец предложили гарнизону сдаться, обещая отпустить всех со значимыми условиями. Тогда открылись ворота города, и вышли двое. Один из них трубил, другой не показався.

Двое сели в лодку, поехали к берегу. — Где остальные? — спросили их. — Остальные мертвы,—отвечали двое,— мы защищали город вдвоем.

Случай этот записан ученым немцем Отавирем.

В боях с прусскими полднее русские противопоставляли немецкой дисциплине, немецкому строю, в котором солдат больше боялся паник капюла, чем неприятельского снаряда, частую товарищескую Мемарист Волотово творчество о том, как была разбита армия Фридриха русским полком, прибавившим через лесные заросли в бой на помощь землякам.

Силы русского солдата, талант русского военачальника были неверно направлены во времена Суворова.

Но Суворов не говорил «пуля дура, штык молодец». В своей «Науке побеждать» Суворов учил стрелять, целая, и угонявал солдата практиковаться в свободное время в этом искусстве.

Бесконечная выносливость русского солдата сказавшая в войне 1812 года, когда две величайшие в мире армии были противопоставлены друг другу.

В тот год петербургское ополчение обучалось военному делу, по собственному желанию, почти круглые сутки, пользуясь светлыми северными ночами. Оно встретилося под Половцем с баварцами и разбил их.

Так сопротивлялся обученной армии Наполеона армия новобранцев, с не всегда опытными офицерами.

И в это время появлялись военные изобретения, как всегда это бывает в эпоху национального подема. Священник Охтенского порохового завода в письме к военному министру Аракчееву предложил применить против французов ОВ. Он умолял только никому не рассказывать об этом, если это есть предложение не деловое, что бы его не засмеяли. Это предложение было обнародовано как комическое только в 80-х годах.

Крымская кампания, показавшая готовность царской России к бою и ее военную отсталость, Крымская кампания, которая была для России невыдержанным экзаменом на военную готовность, в то время ознаменовалась военным изобретением крупнейшего характера.

Русские генералы были разбиты, потому что русское оружие стреляло на триста шагов, а французское и английское — на тысячу.

Но Севастополь сопротивлялся и истощил силы союзников.

Солдаты окопались, протянули перед окопами веревки (пробочные ватражки, которые еще не было), и временные укрепления Севастополя оказались непродолимыми! Об этом в изумлении писал тогда-то Достоевский. В то время предполагалось, что защита всегда слабеет нападения.

Укрепления Севастополя были созданы пехотинцами и матросами.

Мы вели, имея одноконейную железную дорогу, войну с японцами, губя прекрасные свои полки. Японская война некому не научила русских генералов.

Даже опыт артиллерии, обогащенный войной, не был использован в германской кампании.

Можно, мне кажется, сказать, что артиллерия с XV века является национальным оружием русских. Русская, французская, английская армия, превосходившие все употребимые, непонимающими смысл происходящего, генералы, защищая родную от немцев, неохотно создали окопы. Они окопали кавалерийскую Германию со всех сторон, как окапывает зарожненное место.

Но у армии не было народного командования.

Импералистическая война, тихие русские окопы, молчаливые наши годовые пушки еще свежи в памяти.

Можно и сейчас удивляться, как упорно сопротивлялись наша обманутая и пролкая армия.

Революция войну изменила.

Оказалось, что солдат устал не от войны, а негодует от того, что он хочет сражаться не за то и не так.

Во время империалистической войны русский солдат молча умирает в окопе.

Во время войны гражданской он сражался мановренно, показывая миру новый, изумительный способ сражаться.

Мы читали много книг про гражданскую войну, но в этих книгах не всегда показана стратегия войны.

Война разбита на капли, как будто оржалась не армия, а отдельные люди.

Может быть, в книге Вс. Иванова «Пархоменко» автору удается показать новое в военном деле — стратегию народа.

Еще никто не описал бой под Хасаном. Генеральный репетиции будущей войны.

Долгая русская военная история, многолетний военный опыт получил свое неожиданное завершение.

Армия отсталовцев, армия думающих солдат, показала новую тактику и стратегию.

Мы учились смелости, споконью, негнсающую, разгорающую тогда, когда нужно, бесконечную изобретательность, бесконечный военный оптимизм.

Каждый боец «спомышлял» о победе, переосмысливал, собирался с обшим планом, свое личное дело, свое участие в победе советского оружия.

КНИЖЕ «ВЕПХИС-ТКАОСАНИ»

Я целую листы твои,
Пью их взорами жадными,
Ты не книга — дрожание
Тонких пен водопадное.

СИМОН ЧИКОВАНИ

МАСТЕРА-ПЕРЕПИСЧИКИ «ВЕПХИС-ТКАОСАНИ»

На ветхом списке «Вепхис-ткаосани»
Финифть и тушь и пурпур не померкли:
Вот вся земля в полуденном сиянии,
Вот опрокинут тополь в водном зеркале...

ИЛО МОСАШВИЛИ

КОЛХИДСКОЕ УТРО

Тишеяшим утром солнце льется тонко.
Крик коростелей режет тишину.
Подходит море к саду — как ребенка
Несет в его объятия волну.

М. ЗОЩЕНКО

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

3. ПОИСК ИСКУССТВА

С раннего детства Шевченко имел
страсть к рисованию. Всюду, где придется,
он чертил углем всякие забавушки и каракули.
На обрывках бумаги он рисовал
боров и лошадей. Ножницами он вырезал
из бумаги цветы, силуэты людей и животных
и наклеивал на окна своего дома.

Не менее радостное волнение Шевченко
испытывал, когда слушал слепцов-кобзарей.
Их песни и музыка не раз вызывали
у Шевченко слезы. И он не раз ходил
ведет за слепцами из деревни в деревню.

О характере грузинской поэзии

В. ГОЛЬЦЕВ

Год назад весь Советский Союз торжественно отпраздновал 750-летие со дня написания поэмы «Витязь в тигровой шкуре» величайшего поэтического гения Грузии Шота Руставели.

Среди грузинских поэтов XVIII века особенно выделяется гениальный Давид Гурамишвили. Он видел неслыхимые страдания любимой родины, утратившей былую государственную мощь.

Вслед за Ильей Чавчавадзе в грузинскую литературу пришло немало больших поэтов, ревновших посвятить себя служению родине. Таков был любивший народом Акакий Перетели.

ли в народе свои высокие представления о верности и чести. Поэзия Грузии отражает неизменно моральные понятия народа. Она исполнена глубокого и подлинного гуманизма, великой любви ко всем честным и правдивым людям.

В старом грузинском фольклоре нередко звучали мрачные мотивы. Многие народные песни были полны трагизма. Но даже и в них отражались сознание народа, привыкшего не только мужественно переносить испытания, но и преодолевать все препятствия.

Весна идет всей майской светлостью,
Над нивами, садами, селами,
Она идет с грузинской щедростью.
Весна в стране моей веселая.

чит у многих грузинских советских поэтов. В их стихах с реалистической правдивостью отражено, как неслется липо земля по воле великой партии Ленина—Сталина — всего советского народа.

Алио Машашвили, Ило Мосашвили, Симон Чиковани, Георгий Леонидзе, Садро Шаншашвили, Ираклий Абашидзе, Галатин Тобице, Валерий Галришашвили, Карло Каладзе и другие. Они помнят об ужасах самодержавия и мировой империалистической войны, они не забыли мрачные лет мещевинского диктатора.

С гор ветерок идет долинами,
Сверлей журит дугам всех соками,
Труда полными и длинными
Полями радости высокими.

ТВОРЧЕСКИЕ ПЛАНЫ

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ

«Смерть Цулукидзе» — так называется новая поэма, над которой я сейчас работаю.
В 1905 году тело умершего т. Цулукидзе перенесли из Кутанси в Хони. 25 тысяч человек шло за гробом.

ЛЕО КИACHEЛИ

Мой новый роман из современной жизни, который я только что закончил, называется «Глади Бига». Это — имя его героя.

СЕРГО КЛИДАШВИЛИ

Я пишу антифашистскую пьесу-сатиру. Одновременно я работаю над прозой. Представьте себе, что однажды я покинул свой кабинет и начинаю бродить по Грузии, чтобы ближе узнать жизнь.

ДЕМНА ШЕНГЕЛАЯ

Я только что закончил роман «Участие», в котором описывается жизнь ремесленников Грузии в 90-х годах прошлого столетия.

САДРО ШАНШАШВИЛИ

Заканчиваю героическую пьесу в 5 актах «Георгий Саакадзе». Это пьеса о борьбе за освобождение Грузии от персидского и турецкого ига.

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ

Приветствую гостей, т. Лебедев-Кумач и т. Воитинская поздравили их с высокой наградой — орденами СССР.

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ

Приветствую гостей, т. Лебедев-Кумач и т. Воитинская поздравили их с высокой наградой — орденами СССР.

ГРУЗИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ В РЕДАКЦИИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Приехавшие в Москву грузинские писатели т.т. Шалва Дадияни, Лео Киачели, Г. Леонидзе, Ило Мосашвили, Симон Чиковани, Демна Шенгелая, Ираклий Абашидзе, Садро Шаншашвили посетили 15 февраля редакцию «Литературной газеты».

Избранные произведения Павло Тычины

КНЕВ. (От наш. морр.). В Государственном литературном издательстве Украины вышел сборник избранных произведений («Вибрані твори») известного украинского поэта академика П. Г. Тычины.

Тарас Шевченко и Эдуард Багрицкий

Когда обращаешься к большому, прогрессивному художнику разных эпох, разных народов, разных тем и разных форм, очень часто в их творчестве находишь много общего, неожиданно близкого.

Багрицкий — поэт с традициями большой литературы. Оставаясь совершенно самобытным мастером, он испытывал на себе плодотворное влияние очень многих писателей, и среди них одно из первых мест принадлежит Шевченко.

Родина Багрицкого была Украина, он вырос в ее южном городе, совсем недалеко от тех мест, откуда зародились, воплотились Шевченко, спускались перед отражающими полами свои чайки и байдаки.

За советскую Украину, за ее молодость и счастье сам поэт ожесточенно дрался с врагами — винтовкой, антиплакатом, стихом. Об Украине, о ее лучших сыновьях, о коммандире Котовском, о ее природе он писал с трогательной нежностью, с каким-то особенным поэтическим целомудрием.

Топлей селяц сляг, Водуха тополоний... Украина, мать родная, Песня — Украина!..

Любовь к Украине, ее народу, к народному творчеству — вот что заставило Багрицкого обратиться к ее великому кобзарю, Другу Багрицкого рассказывают, что он знал выразительное количество стихов — старых поетов, современников, русских, иностранных. Он внимательно изучал литературу, обладал великолепной памятью и в то же время был очень разбурчив в своих творческих суждениях, — даже у крупнейших мастеров слова он брал только то, что наиболее полно соответствовало его поэтической индивидуальности, задачам советской поэзии.

Отношение к любому писателю у него было совершенно особенное — он учился у них, посвящая им стихи, его волновало не только их творчество, но и их человеческая судьба. Вот, например, читаешь его стихи о Пушкине, и кажется, что писался он о близком друге, только вчера павшем от вражеской пули, — столько в них гнева, страсти живого чувства, боли, желания отомстить. Багрицкий вершил, когда он говорит, что, спряжаясь со старым миром, он мстил ему также за гибель любимого поэта:

И мне ль, обученному так, как надо Стихи писать, из трезвильней бить, Убийцам этим не найти награду, За кровь пролитую не отомстить? Я мстил за Пушкина под Перекопом, Я Пушкина через Урал пронес, Я с Пушкиным сражался по окопам, Покрытый шпанами, голодом и бос.

Революционное содержание поэзии Шевченко, его неважность к угнетателям народа, самобытный поэтический дар, мужество большого человека и большого художника — вот что привлекало Багрицкого в великом украинском поэте. Радикозная поэзия, посвященная Шевченко, свидетельствует, что Багрицкий хорошо знал жизнь поэта, сумел глубоко проникнуть в его мысли, переживания и лирически раскрыть содержание его души. О созвучии творчества Шевченко нашему советскому времени он говорит очень просто и очень трогательно:

Вот они, сторбявшиеся от неважги, Сидят на скамейке, в саду, а впереди Слышат песни на него — я текло Зори встанут над ковыльной степью. Сляем вокруг него — пусть расскажет Все свои митарства и печали... Нам ли его не почитать, ребята,

Нам ли, строителям новой жизни, Слух свой ему не отпереть, как другу...

Багрицкий не только хорошо знал творчество Шевченко, но и испытывал на себе его непосредственное влияние. «Думу про Опанаса», которой не случайно предостан эпитраф из «Гайдамаков», справедливо называют шедевральской поэмой Багрицкого. Здесь, понятно, не может быть и речи о каком бы то ни было подражании. Проникнувшись духом произведений Шевченко, Багрицкий полностью сохранил свою поэтическую индивидуальность и самостоятельность. Что же сближало двух поэтов? Любовь к родине — большая мужественная тема, ее исторические традиции и ее разрешение. В «Гайдамаках» Шевченко показал героическую борьбу украинского народа с польской шляхтой; в «Думе про Опанаса» и в одноименном либретто Багрицкий рисует героическую борьбу большевиков, освобождающих Украину от разбоев махновских бан.

Шевченко совершенно органически знал народное слово. Он постоянно обращался к фольклорным мотивам, образам, излюбленным эпитетам, выраженным ритмическим ходом и т. д. — все это помогло ему точно, предельно ярко выразить свои переживания и то, что чувствовал, к чему стремился народ. Шевченко — это был сам народ, продолжавший свое поэтическое творчество. Но отношение Шевченко к фольклору никогда не оставалось пассивным. Не подражание, не выпячивание по знакомой каноне, не стилизация, во строго подлинное использование мотивов, образов, ходов крепким и совершенно самостоятельным замыслом — вот непреложный закон его творчества. Именно эту замечательную особенность творческого метода своего великого учителя Багрицкий освоил очень хорошо.

Несомненный пример. Природа в «Думе про Опанаса», как и в фольклорных произведениях, — не равнодушная природа. Она принимает непосредственное участие в доле и борьбе людей. Когда Опанас выводит на расстрел Котага, ветер, степь, звезд, камень, трава — все кричит Опанасу: «Пала! Пала!» В гневный крик природы вложено большое содержание; Украина, роина отделилась от претателя и проклада его. Это место поэмы очень ярко свидетельствует о том, что Багрицкий вслед за Шевченко обращался к фольклорной традиции не для стилизации, не для внешних эффектов, но потому, что этого требовал замысел произведения.

Шевченковское слово — всегда видимое пластическое слово. В искусство поэта он вносил навыки живописца и гравера. В «Думе про Опанаса» Багрицкий стремится достигнуть такой же точности в рисунке. Он делает его предельно простым, лаконичным, освобождает его от всего лишнего, оставляет только самые необходимые и самые выразительные линии.

Рождеством Шевченко, традициям украинской народной поэзии и другие, не менее важные особенности поэмы — ее музыкальность, ритмическая выразительность, стих, манера обрисовки действующих лиц, постоянное лирическое вмешательство автора в судьбу героев и т. д. и т. п.

Здесь во всем — и в крупном и в деталях — мы слышим дружескую переделку поетов двух эпох, двух народов. Украинская литература гордится тем, что одно из наиболее блестящих — по теме, содержанию, идейному размаху — произведений русской советской поэзии написано под благотворным влиянием великого Шевченко.

13 февраля в Москву прибыли поэты, писатели и народные актеры Киргизской ССР. На снимке (слева направо): поэт орденосец Киргизии Алымкул Осмонов, поэт орденосец Юсуп Турубеков, народный актер Киргизии орденосец Кадыр Акиев, народный актер Киргизии, депутат Верховного Совета Киргизской ССР — орденосец Алымкул Усеибаев.

(Фотокроника ТАСС).

НА ВЕЧЕРЕ КИРГИЗСКОГО ИСКУССТВА

Один из посетивших Москву армянских поэтов сказал, что великий Советский Союз представляется ему вечно-зеленой, вечно-растущей рощей могучих дубов. Мы, поэты, только листья на этих деревьях. Но войди в лес, прислушайся к звуку и шуму листьев! Вечно шумит песня зеленого леса, песня народа.

Леонид Соболев, открывавший вечер киргизского искусства в Московском клубе писателей, вспомнил об этом поэтическом сравнении.

С поэтами киргизского народа литературная Москва встретилась 17 февраля. Приветственной песней Москва начала вечер народные актеры Киргизии — орденосцы Кадыр Акиев и Алымкул Усеибаев.

Строку за строкой, по очереди слагали они эти песни. И так ее спели:

...От синих долин небосвода — привет, От верного сердца народа — привет! От горных озер, льющих солнечный свет,

От волн Нысык-куля, Сон-куля — привет,

От ветра, поющего песню в траве, Привет сердцу родины — нашей Москве!

Бурными аплодисментами, стоя, приветствовали народные актеры зал.

Рассказывают, что утром, когда только еще начинался день, пришла в этот зал человек с горным, словно изрубленным морщинами, лицом. Широкий серебряный пояс плотно обхватывал его халат, и оттого человек казался стройнее и моложе. Ноги его, обутые в мягкие сапоги, ступали неслышно. Осторожно он присел на краешек круглого табурета в углу, там, где черной гайбой застыл роиль, подальше от инструментов и тронул пальцем клавиш. Ролика и умер звук, пришедший выложил голову и долгу сидел, прислушиваясь к тишине.

Вошла люди.

— Мы ищем тебя, Калык, — сказали они, — пора в Кремль. Что ты делаешь здесь?

— Я пел песню, — ответил им до этого молчавший человек.

И они уехали. Вечером эта песня вошла в литературу. Свои стихи — «В Бооском ущелье»

— читал поэт-орденосец Юсуп Турубеков. Переводил Л. Пеньковский.

Поэт Абрасу Токтамушев прочитал отрывок из поэмы. Поэт Н. Сидоренко читал перевод. Стихи заблудшего поэта-орденосца Алымкула Осмонова читал А. Тарковский. Темиркул Уметалиев прочел стихотворение «Мавзолей» — перевод сделал В. Винников.

Особенно было встречено выступление крупнейшего дунганского поэта и писателя Ясыра Шывазы. Его стихи — отрывок из поэмы «Ян Ли Даян», «Бомбозов», «Китайский рисунок» — произвели огромное впечатление на слушателей.

Стихотворение «Товарищ Сталин» читал автор Толен Шапиев и переводчик С. Лякин.

Кубанчбек Малков прочел стихотворение «Звезды», перевод сделал В. Винников.

Л. Пеньковский коротко рассказал о величайшем произведении народного эпоса Киргизии — о «Манасе».

Последние стихи «Манаса» относятся к XVII—XVIII столетиям. Наиболее полная запись была произведена у пелпа Сагенбаева. Так называемый сагенбаевский вариант «Манаса» записывался четыре года, но так и не был окончен.

Второй полный вариант «Манаса» записывается сейчас у народного певца Киптиева Саялбае Каралаева. Таланту и огромной памяти этого человека многим обязана советская и мировая литература.

Поэт «Манас» С. Каралаев изумительно. Это не только поэтический дар, но и крупное актерское мастерство.

Отрывки из «Манаса», пропетые С. Каралаевым, были потом заслушаны в переводе С. Лякина, Л. Пеньковского и М. Тарковского.

Народный актер-орденосец Алымкул Усеибаев спел свою песню «Калык Акиев». Его собрат — Калык Акиев прекрасно исполнил песню-народную на состязании певцов.

Подлинным виртуозом-музыкантом показал себя Комузчи Атай Огобаев.

Отрывки из киргизских опер В. Власова, А. Малыбаева и В. Фере — «Атты Кыз» и «Алжар Орлува» исполнили артисты В. Хальновская и Л. Хачатуров.

Б. ЕМЕЛЬЯНОВ.

ПИСАТЕЛИ — К ГОДОВЩИНЕ РККА И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

В связи с двадцать первой годовщиной РККА оборонная комиссия ССР СССР, редакция журнала «Знамя» и Московский клуб писателей устраивают 3 марта в Политехническом музее под председательством А. С. Новикова-Прибоя традиционный литературный вечер.

Вступительное слово об оборонной литературе скажет Вс. Вишневский.

С чтением стихов, рассказов и отрывков из своих произведений выступят писатели и поэты: М. Алигер, П. Антокольский, С. Вассильев, Н. Вирта, Вс. Вишневский, В. Горбатов, Е. Долматовский, А. Писахов, С. Кирсанов, В. Луговской, А. Новиков-Прибой, Л. Рубинштейн, К. Симонов, Л. Соболев, Г. Фаш, В. Шкловский и Н. Шпанов.

Лучи кремлевских звезд освещают нам дальний путь

Белорусская литература, в числе других братских литератур Советского Союза удостоилась высокой оценки своего народа. И в наших сердцах живет и всегда будет жить чувство самой глубокой благодарности великому Сталину за отцовскую заботу о нас.

Высокая награда партии и правительства обязывает нас ко многим. Мы приехали в Минск — столицу нашей пограничной орденосной Белоруссии. Первая наша мысль — работать так, чтобы наше слово стояло рядом со стальным шляком пограничника, чтобы оно верно служило своему героическому народу, великому делу Ленина — Сталина.

Никогда не забудутся дни, которые мы провели в Москве. Рабочие, интеллигенция, бойцы и командиры Красной Армии встречали нас искренне и горячо. Мы читали свои стихи на белорусском языке. Но наши произведения полностью доходили до русских слушателей. Сталинская дружба народов сделала поэзию одного народа по-

пулярной для всех других народов. Она наполнила наши произведения одним мыслями и чувствами, объединила все национальности. И вот — мы в Минске, а лучи красных звезд Кремля у нас перед глазами, они показывают нам дальнейший путь.

В свете рубиновых кремлевских звезд мы видим, как на гребню XVIII съезда коммунистической партии подымается товарищ Сталин. Его слова прогнет на весь мир и откроют трудовому человечеству новые пути. Хотелся этот великий день встретить произведениями, достойными высокого звания советского писателя. И мы приложили все наши силы, отдали все наши способности на служение великому советскому народу, на служение великому делу Ленина — Сталина.

Писатели-орденосцы:
Народный поэт БССР ЯКУБ КОЛАС.
Народный поэт БССР ЯНКА КУПАЛА.
ПЕТРУС БРОВНА.
ЗМИТРОК БАДУЛЯ.
ПЕТРО ГЛЕБНА.

В ПРЕЗИДИУМЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

На последнем заседании президиума Союза советских писателей были заслушаны три информационных доклада: издательства «Международная книга», Литературного агентства, Иностранной комиссии Союза писателей.

На докладах и прений выяснилось, что дело издания и переводов советской литературы на иностранные языки поставлено плохо. В огромном, насчитывающем до 800 человек, аппарате «Международной книги» только два человека занимаются советской художественной литературой. И они — т. Уманский (Литтегентство) и т. Грансберг (издательство «Международная книга») — работали до сих пор в отрыве от писательской общественности.

Доклад т. Гиттермана показал полную беспомощность «Международной книги» в вопросах издания художественной литературы и явную неподготовленность докладчика. Путаясь и запинаясь, т. Гиттерман доказывал президиуму Союза, об издании книг несуществующих советских писателей, переводил фамилии авторов и названия произведений.

Сообщение т. Уманского о работе Литературного агентства также не удовлетворило присутствующих.

Тов. Асеев совершенно правильно отметил, что при существующем положении внешней иностранной читатель не может создать себе правильного представления о советской литературе.

— Нам важнее, — сказал т. Асеев, — чтобы за границей знали богатство наших жанров и стилей, — наших талантливых писателей, а не отдельные, пусть крупные и удачные, произведения.

Это предложение т. Асеева целиком поддержала т. Герасимова.

Похороны Э. САМУИЛЕНКА

МИНСК. (От нашего корр.). 14 февраля состоялся похороны писателя-орденосца Эдуарда Самуиленка. Весь день 13 и 14 февраля трудящиеся Минска беспрерывным потоком двинулись в гроб Самуиленка.

В 3 часа 45 минут председатель Совнаркома БССР т. Киселев, Янка Купала, Якуб Колас, Змитрок Бадуля, Петрус Бровка и Петро Глебка поднимают гроб с телом писателя Самуиленка и под звуки траурного марша устанавливают его на машину.

Траурная процессия медленно движется к военному кладбищу. На кладбище состоялся митинг. С прощальным словом от имени ЦК КП(б)Б, Совнаркома БССР и Президиума Верховного Совета выступил секретарь Минского обкома КП(б)Б т. Матвеев. От писателей выступили Янка Купала и Петро Глебка, от работников искусств — заслуженный артист республики К. Рахленко.

В 5 часов 45 минут прах Эдуарда Самуиленка предается земле.

Т. Лозовский и Рокотов указывают, что, лишней связи с писательской общественностью и крупнейшими издательствами Союза, аппарат «Международной книги» не мог не заниматься корпоративностью.

Президиум Союза признал, что издание художественной литературы «Международной ассоциацией писателей в защиту культуры» было неудовлетворительным и по объему и по характеру. Иностранной комиссии Союза, персонально т. Фадееву и Лозовскому, поручено поставить перед соответствующими организациями вопрос об изменении объема и характера этого издания. Для помощи «Международной книге» и Литературному агентству необходимо создать при них редакционные советы писателей.

Доклад т. Аллетина о работе иностранных комиссий Союза свелся, по существу, к общей характеристике «Международной ассоциации писателей в защиту культуры». Из доклада известно, что в настоящее время писательской иностранной комиссии в Союзе писателей не было. Работал только аппарат — т. Аллетин и пять референтов при нем, выполняя второстепенную техническую работу.

Тов. Фадеев указал, что новому бюро иностранных комиссий Союза, которое создано президиумом в составе 28 человек, надо будет решительно перестроить работу.

В бюро иностранных комиссий Союза писателей вошли: т. Асеев, Аллетин, Бехер, Баратов, Вишневский, Гергель, Грив, Джерманетов, Катаев, Келин, Корнейчук, Лебедев-Кумач, Лифшиц, Лозовский, Луппов, Лыньков, Палленко, Рокотов, Толстой, Стасова, Машашидзе, Фадеев, Фелин, Эми Соко, Эрнбург, Шолохов.

НОВЫЕ СТИХИ И. УТКИНА

На декаднике поэтов

И. Уткин давно не печатал новых стихов. На последнем декаднике поэтов он прочел двадцать три небольшие стихотворения из написанных им за последние полтора года.

Острым и горячим разговор поэтов вступил до глубокой ночи. Стихи о гражданской войне — «Народная песня», «Свеча», «Ночь темна» и другие — понравились всем.

— Именно эти мужественные стихи, в не искусственной лирика Уткина останутся в советской поэзии, — утверждал А. Сурков.

М. Алигер считает, что Уткин достиг в стихах «Народная песня» и «Свеча» прекрасной простоты и выразительности.

С. Кирсанов подчеркивает, что в стихах «У костра» и «Свеча» видна большая и успешная работа автора над словом.

И. Антокольский стихи о гражданской войне также понравились больше других вещей.

Спор возник главным образом вокруг лирических стихов — «Ветер», «От доброго слова», «Стихи о потерянной собаке».

А. Сурков, Н. Сидоренко и П. Семин считают, что эти стихи не имеют права на жизнь.

— Это стихи вычурные, изломанные, — заявил П. Семин, — они как будто бы написаны вне времени и пространства.

В. Ковышев находит, что в лирических стихах И. Уткина видна поза, к тому же поза самоуничижения.

С. Кирсанов отстаивает право поэта выражать в стихах то душевное состояние, те эмоции, которыми он полон, даже в том случае, если эти эмоции не должны служить примером для подражания. Поэзия, говорит он, не правильно хорошего поведения для читателей.

Резко критикует лирику Уткина и особенно «Стихи о потерянной собаке» и «Ветер» А. Сурков. В них, по его мнению, видно последовательное и упорное желание поэта оставаться в позе отщепенца, культивировать и в своих стихах чувство одиночества и бездомности.

— И. Уткину действительно дорог в этих стихах, — говорит П. Антокольский, — мир, наполненный ощущениями беззащитности и пассивной грусти. Его лирика сужена «констатацией себя в пространстве», вот почему остается впечатлительной нарочитости и кокетства, вот почему так резко ощущается разрыв между лирическими его стихами, оторванными от эпохи, в которую он живет, и стихами о гражданской войне.

— Мне кажется, — заключил П. Антокольский, — что эти стихи — эскизы, подступы к большой поэме, которую Уткин должен теперь начать писать.

В мелкости чувств упрекает поэта в своем сухом выступлении И. Сидоренко. И. Павлов выразил удивление, как это в одной и той же папке уживаются такие лирические вещи, как «Народная песня» и «Стихи о потерянной собаке».

Большинство высказывавшихся подчеркивали серьезную работу поэта над словом и стихом.

И. Уткин благодарил поэтов за интересные, откровенные высказывания, но критики его лирических стихов, судя по заключительному слову, не принял.

Е. ПЕЛЬСОН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВНИН, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.

СЕСАР М. АРКОНАДА

Река Тахо

«Река Тахо» — последний, еще не изданный роман Сесара М. Арконата, признанный автором в СССР в рукописи. Тема романа — жизнь испанских горных пастухов, создающих отряд для борьбы с матекинками. Вокруг жизни лишь охотничьи румыны, эти истинные сыны героического испанского народа вступили в неравную бой с регулярными частями марокканцев и иностранного легиона, оснащенных передовой военной техникой. Мы печатаем отрывок из романа Арконата.

С револьвером у пояса, с охотничьей винтовкой за плечом Чапарехо и Грегорио отправились в горы. С тех пор как они в мирных горных пастухов превратились в бойцов народной милиции, они подружился и часто подолгу беседовали. Но теперь их больше не занимают разговоры о шкурах и баранах.

— Я знаю одну вершину, — сказал Чапарехо, — откуда видно далеко кругом. Привычным шагом горные жители они поднялись на вершину, на две тысячи метров возвышающуюся над полями Испании. Вверху сверкала безоблачное лазурное небо, еще незнакомое с вражескими самолетами, а внизу, сколько глаз хватало, простиралась земля под палящим июльским солнцем. Но глаза не могут видеть всего, что чувствует сердце.

Испания, Испания, наша дорогая родина! Какими мирными выглядел твой поля с этой вершины. Но сердце знает, как много горю стало непроходимыми, как много городов превратилось в развалины, как много человеческих жизней захлебнулось в крови.

Да, это Испания, наша дорогая Испания, разрезанная на две части, как срубленное топором дерево. Мы — народ, кор-

ень этого дерева, и мы дадим новые побег; они — упавшие ветки: завтра они засохнут и сгниют под дождем.

— Видишь там реку? — показал Грегорио товарищу: — Это Тахо. Вот здесь она наша, а там дальше — она.

Да, это Тахо, наша родная река, воспетая гениальными поэтами.

Тахо, река Тахо! Медом и розмарином диких холмов Алькари насыщены твои воды. Спускается к Ла Манче, ты вьешься каменной бесконечных залтов, но, испутившись южного солнца, заливающего виноградники и пшеничные поля, ты изгибаешься и зеленой ищерицей скользишь среди садов Аранкуса; потом, успокоенная, стальной светлячок во омываешь величественный холм Толедо.

В Ла Вега, среди усадеб Тирсо, ты поешь романсы нашей классической поэзии. Встречаешь на своем пути замки и виноградники Карпю и Монтеарагона. В зеленых равнинах рощ и огородов Талавера ты льешься широким потоком мимо чудесной горы Грекоз, разделяющей обе Каталонии. У подножья известковых скал ты поворачиваешь назад, к Калера; пройди через Пуанте дель Арсебоско, скрывающийся в дубовых лесах Эстремадуры и наконец исчезаешь в Португалии.

Тахо, река Тахо!

Поднимаешь вверх по твоим водам, претатели пытаются проникнуть в сердце Испании. Ты верна нам, свято храня старые заветы, но для них, грязных полководцев болота, нет ничего заветного, и они идут, чтобы осквернить твои воды, ограбить тебя и, превратив твою русло в смертоносный канал, воплотить его в сердце Испании, нашей любимой родины. Если бы это было в наших силах, верные воды Тахо, ты грозной, несокрушимой стеной поднялась бы на пути захватчиков. Назад! — крикнули бы вы им. Кто вы, пришельцы, заливающие кровью наши дороги, вешающие на деревьях голытьба беляков, насилующие женщин, убивающие детей, как ягнят, и распространяющие испанский народ! Кто вы? При вашем приближении дети покидают родителей, в семье разбегаются, как в прежние времена бежали от чумы, оставляя дома и родину села. Кто вы, навещающие ужас на старух и внушающие такой страх, что даже мирные жители глухих горных де-

ревень, обезумев, обращаются в бегство, чтобы спастись от вашей власти? Скажите, кто вы?

Тахо, река Тахо! Почему лазурная гладь твоих вод не может подняться грозной стеной и преградить им путь?

— Кто вы? — спрашивает Тахо пришельцев. — Испания? Видно, мало болит у вас сердце за Испанию, если вы терзаете ее тело невыносимыми страданиями. Видно, нет у вас любви к Испании, если вы можете разрушить ее, ибо никто еще не видел любви бесподобной, как солончак, или подобно пыльному опустошающей родную землю. Ведь настоящая любовь создает, а не разрушает. Вы много говорите об Испании, но как мало вы ее чувствуете! Чтобы чувствовать ее, надо жить с ней единой жизнью, от зарю до заката, как живет народ. Вы же, как воронье, ищете падаль, лишь бы утолить свой голод.

«Вставай, Испания!» — кричите вы. Но могут ли встать мертвецы? Может ли разрушенный город продолжать свою прежнюю жизнь? Могут ли старинные дворцы, уничтоженные итальянскими или немецкими самолетами, состоящими на службе у вас или у них, снова стать дворцами? Могут ли книги сожженных библиотек возродиться из пепла? Может ли прекрасная картина Веласкеса, Греко или Гойя, снова стать картиной великого мастера? Могут ли вернуться к жизни тыщи и тыщи людей, сраженных смертью? «Вставай, Испания!» — Нет, она не встанет, ибо смерть всегда была только смертью, а развалины — только развалины. Конечно, на пепелище сожженной библиотеки вы можете воздвигнуть новые стены и построить тюрьму. На опустошенной площади города вы можете установить вивисекции. На обломках старинного дворца эпохи Возрождения вы можете заложить новый фундамент для постройки казарм. Ваши малыры могут извезать остатки полота и вставить их в рамы, охраняющиеся от картин Веласкеса, Греко и Гойя, подобно тому, как хрустальную люстру можно завесить грязной полой тряпкой. Вы можете сделать все это, но вы бессильны поднять Испанию, оживить мертвых, восстановить разрушенное, вдохнуть жизнь в погребенные тела убитых, и никто не в состоянии этого сделать, ибо развалинами несчастная Испания платит дань за ужасы войны.

Тахо, река Тахо!

— Не хочу быть вашей рекой, — говорят священные воды, — рекой крови и предательства, рекой жужжащей. Я хочу мирно струиться по верным испанским землям, я хочу понимать, о чем говорю, и знать, для кого работают на моих берегах. Я хочу быть рекой крестьян, собирающих оливки с деревьев и обрабатывающих виноградники, рекой пастухов, которые гонят стада к своим водам; я хочу принадлежать тем, кто собирает жолуди в лесах, кто работает на мельницах и орошает. Я хочу, чтобы только охотился и отдыхал. Я хочу быть рекой народа, всегда быть с народом и делить с ним судьбу, как делала до сих пор.

Освободите меня, захватчики! Вы завладели моими источниками, и все мое тело выносятся страдать и восстает против этого раздела. Я не желаю, чтобы мои воды окрашивались кровью ваших преступле-

ний. Не желаю, чтобы зеркало моих вод отражало лица чужеземцев. Я не желаю, чтобы завоеватели, наводившие Испанию, поднимались вверх по моему течению — разрушать мою родину. Я не желаю видеть снова на моих берегах крестьян, поработанных касиками и пытающихся травма, батраков, изнуренных непосильной работой, голодных, оборванных детей, подбрасывающих жолуди. Я не желаю снова видеть озверелых жандармов, избивающих народ, богатых бездельников, проводящих свою жизнь на лошади. Я не хочу, чтобы по дорогам тюрьмы вновь потянулись вереницы неволокных, осмелившихся нарушить покой власти имущих.

Тахо, река Тахо!

Я хочу свободы Испании. Я хочу счастья Испании. Солнце зашло. Поднялся свежий ветер. По откосам гор опускались тени. На вершине молча стояли два человека, окруженные испанской землей, с открытыми на нее глазами и сердцами.

Ветер усиливался. Он стонал и звал. Не ласковый и смеющийся, но резкий и воющий ветер, словно крик, рвущийся из славянского горла. Не далекое и нежноедыханье гор, но бумажный вихрь, который зывает и стонет, свистит в ушах, сбивает с ног и рвет на человеке одежду.

— Если бы ветер умел говорить, — сказал грустно Грегорио, — сколько бы он мог нам рассказать.

— Мы должны отомстить за все их преступления, Грегорио! — с гневом воскликнул Чапарехо, ударив прикладом охотничьего ружья о камень. — Хочешь, дам клятву, вот здесь, сейчас дам клятву, что мы отомстим?

— Да, — сказал Грегорио, протягивая ему руку, — ты молодец, Чапарехо. С твоей можно пойти куда угодно без страха. Горный ветер с жалобной мольбой прошумел над их протанутыми руками, соединенными в крепком пожатии.

— Яглянусь именем моей матери, — сказал Чапарехо, — не отступать до тех пор, пока в